

Юй Минхао не желал слушать окружающих: они галдели, словно стайка назойливых монахов. Только что была одна девица, щебетавшая так, что уши вяли, а теперь — толпа, бубнящая под ухом, будто заклинания читают. Раздражает. Хотите посмеяться надо мной — так и скажите, к чему эти язвительные насмешки?

Вдруг он неожиданно уставился на Линь Цзыфэна. Схватив того за плечи, он хлопнул его по животу:

— Старина Линь, как же ты изменился? Был ведь как мясной шарик, а теперь такой худой?

Линь Цзыфэн опешил:

— Ты это серьезно? Я и так слегка полноват, комплексую из-за этого, а ты еще и обзываешь меня мясным шариком. Черт, ну толстый я, и что? Твой рис ем, что ли? Каждый толстяк — это потенциальный атлет! Толстяки никогда не будут рабами!

Юй Минхао не обращал внимания на окружающих «мух», которые жужжали вокруг, словно комары. Похлопав Линь Цзыфэна по животику, он забрал свои вещи, дошел до велопарковки, открыл замок и, вскочив на велосипед, поехал домой.

Ощущение молодого, полного сил тела было совсем иным. Ему хотелось во весь голос запеть о том, что это за чувство полета, совсем другое чувство. Если бы сейчас какая-нибудь красавица спросила его: Юй Минхао, ты потянешь?, он бы ответил как Ип Ман: Не спрашивай, потяну ли я. Я готов уложить десятерых.

По пути он рассматривал старые улочки Чанъяня, пропитанные дыханием эпохи. Это был некогда центр Поднебесной — великий столичный Чанъянь династии Хань. Место с блестящей историей и блистательной культурой, колыбель китайской нации. Здесь первый император Цинь Шихуанди разгромил шесть царств и основал империю Цинь. Здесь же Лю Бан, основатель династии Хань, давшей имя целому народу, боролся за власть с грозным властителем Чу и заложил основы величия ханьцев.

Знаменитый лозунг: Кто посмеет оскорбить великую Хань, будет наказан, даже если находится далеко! — от этих мыслей кровь Юй Минхао закипала.

Вскоре он уже подъезжал к дому. Когда-то это был процветающий квартал, но сейчас он выглядел жалко. Провода свисали хаотичными клубками, штукатурка на стенах облупилась — картина полного запустения. О воротах или управляющей компании здесь даже не слышали. В прошлой жизни их квартал стал одним из первых под снос.

Черт возьми, в прошлой жизни они умудрились идеально пропустить первую волну переселения. Родственники, жившие неподалеку, тогда попали под программу, получили огромные деньги и принялись сорить ими направо и налево. Покупали всё подряд, хвастались, пока не спустили всё до копейки, едва не лишившись и нового жилья. Если бы не яростное сопротивление семьи, они бы всё потеряли.

Как было бы здорово успеть на этот снос — тогда и у них были бы деньги, и он стал бы таким юным богачом. Но увы, сослагательного наклонения не существует. А позже, когда он купил квартиру в Яньцзине, их дом стал напоминать бельмо на глазу — островок старых построек посреди современных высоток. Площадь участков была слишком мала для застройки. В итоге родители продали квартиру, чтобы оплатить его жизнь в Яньцзине и лечение.

Если бы только у него были деньги, чтобы скупить здесь побольше таких лачуг в ожидании сноса, он мог бы сорвать куш. Но он не был сыном богачей, родители — обычные работяги. Глядя на обветшалые домишки, он видел, как мимо него проплывают деньги, к которым невозможно прикоснуться. Сердце сжималось от боли.

Черт, ну надо же! У других героев после перерождения — деньги и красавицы. Либо сами богачи, либо сынки олигархов, либо глупые наследники угольных магнатов. Почему у меня ни денег, ни красавиц, ни даже золотого пальца или виртуального пространства? Я что, зря переродился? Даже системы нет, отстой.

Пока Юй Минхао сокрушался об отсутствии суперспособностей, из подъехавшего автобуса вышла девушка. Как назло, это была Чжэн Сяошуан. На её белом свитере красовался принт с Хелло Китти, которая, казалось, насмешливо щурилась, глядя на него.

Сяошуан тоже заметила Юй Минхао. Она вскинула голову, как гордый павлин, ожидая, что он подойдет первым. Юй Минхао направил велосипед прямо на неё. Её подбородок взлетел еще выше, словно она говорила: Ну что? Пришел просить прощения? Не выйдет.

К её изумлению, Юй Минхао даже не притормозил и пролетел мимо, как птица. Легко ушел, как легко пришел, взмахнул рукавом и не забрал с собой ни облачка. Чжэн Сяошуан, ожидавшая извинений, застыла в полном замешательстве.

Юй Минхао проехал через лабиринт старых дворов и добрался до дома. Квартира, выданная когда-то родителям на работе, была довольно просторной — девяносто квадратных метров, три комнаты. Обстановка простая, но такая родная и теплая.

Мать возилась на кухне. Видимо, праздновали окончание экзаменов: хотя требования Пекинской киноакадемии были не такими уж строгими, мать всё равно решила накрыть стол. Отец, господин Юй, сидел перед телевизором, делая вид, что внимательно следит за новостями.

Глядя на своих молодых родителей, Юй Минхао почувствовал небывалый прилив нежности. В этот раз он сделает всё, чтобы защитить их, чтобы они не страдали, как в той, прошлой жизни.

Отец заметил его и спросил:

— Вернулся? Как экзамены?

Юй Минхао слабо улыбнулся, подошел к отцу и слегка обнял его. Старик оторопел: что с ребенком? Неужели провалился? Но оценки у него всегда были нормальные, да и творческий тур он прошел.

Не обращая внимания на недоумение отца, Юй Минхао прошел на кухню и обнял мать со спины.

— Ты чего, сынок? Чего на кухне забыл? Иди отсюда, не мужское это дело — по кухням шастать. Иди, веди себя как мужчина, не бери пример с отца.

Ну вот, отцу досталось ни за что. Отпустив мать, Юй Минхао сказал:

— Как же вкусно пахнет! Не праздник же, просто экзамен сдал. Вы что, во мне сомневались? Не стоило так стараться.

— Только в этот раз. Когда еще у нас будет время тебя побаловать? Ты ведь уже вырос, скоро в университет поступать.

<http://bllate.org/book/21465/2195727>